

УДК 821.161.1–3 (091)

**ПИСАТЕЛЬ, «СОБРАВШИЙ РУССКОЕ СЕРДЦЕ»:
ФРАНЦУЗСКИЕ КРИТИКИ РУБЕЖА XIX–XX ВВ.
О Ф. М. ДОСТОЕВСКОМ**

М. В. Дубинская

Петрозаводский государственный университет
Институт иностранных языков
кафедра немецкого и французского языков

Статья посвящена проблеме восприятия творчества Ф. М. Достоевского во Франции, отражённой в работах группы модернистов журнала NRF. Автор статьи впервые рассматривает некоторые положения работ лидера NRF, которые предвосхищают, хотя и в общих чертах, теорию полифонического романа и в том числе теорию триалога.

Ключевые слова: *Ф. М. Достоевский во французской критике, Ф. М. Достоевский и писатели-модернисты, теория полифонического романа, полифонический триалог, три страста души*

Парадоксальная ситуация признанности Ф. М. Достоевского во Франции наряду с узостью его читательской аудитории. Этот парадокс отображают взгляды выдающегося исследователя Достоевского – французского критика, литературоведа и писателя Андре Жида, раскрываемые здесь в контексте его полемики, прежде всего, с Эженом Мельхиором де Вогюэ и Полем Клоделем. В статье мы впервые высказываем предположение, что Андре Жид, говоря о «трёх страстах души» героя Достоевского, интуитивно выразил идею полифонической основы диалога Достоевского, предвосхищая теорию полифонического романа М. М. Бахтина. Недостаточная глубина восприятия Достоевского большей частью французской критики и узость его читательской аудитории во Франции не удивляет, если учесть, что сам Достоевский представил нам тип русского интеллигента, владеющего французским языком с детства и воспитанного на литературе французских философов-энциклопедистов и моралистов, плохо понимающего русский народ. Таков, например, Степан Трофимович Верховенский, либерал-западник из романа «Бесы»: «Французский язык для Верховенского – один из способов выделить и приподнять себя над народом <...> J'aime le peuple, c'est indispensable. Mais il me semble que je ne l'ai jamais vu de près. <...> Я люблю народ, это необходимо. Но мне кажется, что я никогда не видел его вблизи» [4, с. 176].

Первая крупная статья-исследование А. Жида о Достоевском «Достоевский в его переписке» появляется в 1908 году. Здесь первым во Франции он говорит о важности творчества Достоевского не только для Франции, но и для Европы: «Это он, вершина ещё наполовину скрытая, таинственное звено цепи. Отсюда берут начало несколько полноводных рек, из которых сегодня могут утолить жажду новые европейцы» (здесь и далее перевод мой – М. Д.) [10, с. 15]. В статье «Будущее Европы» (1923) Жид говорит о том, что на адекватное восприятие русской литературы своим поколением у него мало надежды: «Поколение, к которому я принадлежу, <...> ничего не знало о том, что происходит за границей, и, не страдая от невежества, было готово прославлять себя за него. Слишком глубоко убеж-

дѣнное, что оно не знает лишь того, чего знать и не стоит, оно видело в этом незнании гарантию своего превосходства» [9, с. 24].

В статье «Размышления о Германии» (1919) Жид вспоминает о своей встрече с молодым китайцем, назвавшим русского писателя в числе трёх европейских классиков, Ибсена, Шоу и Достоевского, глубоко повлиявших на умы китайцев. И это в то время, когда французам Достоевский казался «иногда почти азиатом» [9, с. 27]. Удивление Жида связано с тем, что все три названных писателя уже были переведены на китайский язык, а Достоевский для азиатов был европейцем.

Вслед за Жидом, в 1909 году основавшим журнал *Nouvelle Revue Française* («Новое французское обозрение», принятая аббревиатура NRF), интересом к творчеству Достоевского прониклась целая группа писателей-модернистов. В ближайший круг авторов NRF вошли Жак Ривьер (редактор журнала), Жан Кокто, Шарль-Луи Филипп, Анри Геон, Поль Клодель, Марсель Друэн, Анри Фурнье (литературный псевдоним Ален-Фурнье), Андре Рюитер, Роже Мартен дю Гар. В 1940 году Жид вышел из круга NRF в силу возникших противоречий идейно-философского плана с рядом членов этой группы. Отметим особое значение для круга писателей журнала NRF его издателя Гастона Галлимара, который позже основал известное издательство *Gaillimard*, выпускающее в свет книги исследователей литературы и классику авторов NRF.

Для Франции А. Жид стал первым настоящим ценителем и толкователем творчества Достоевского, в значительной мере разъяснившим французскому и, шире, западноевропейскому читателю многие тонкости поэтики, философии и психологии русского гения. Но хронологически первым откликом на творчество Достоевского во Франции стала глава книги Э. М. де Вогюэ «Русский роман» (1886). Именно с критического разбора работы Вогюэ в статье «Достоевский в его переписке» (1908) Жид начинает серию работ о Достоевском, сразу отметив как заслугу Вогюэ, так и пробелы в его оценке русского писателя: Вогюэ «сделал благородный жест, преподнеся Франции на серебряном блюде своего красноречия железные ключи от русской литературы» [10, с. 15], но Вогюэ «охватывает отчаяние, когда он пытается сделать мир Достоевского понятным нашему миру (миру французской культуры. – М. Д.)» [11, с. 15].

По обоснованному мнению Жида, Вогюэ подчас преувеличивал значение одних и недопустимо снисходительно отзывался о других произведениях Достоевского: «Вогюэ останавливался на “Преступлении и наказании”, убеждая читателя, вынужденного верить ему на слово, поскольку почти ничего больше не было тогда переведено, что “этой книгой заканчивается восхождение таланта Достоевского” <...>, затем, после снисходительного представления “Идиота”, говорил о “Бесах” как о книге “запутанной, плохо выстроенной, часто смешной и полной апокалиптических теорий”, о “Дневнике писателя” как о “смутных гимнах, ускользающих от анализа, как если бы анализ противоречил им”. Не упоминал ни о “Вечном муже”, ни о “Записках из подполья”» [10, с. 15].

Но сам Жид не совсем точен, утверждая, что ко времени выхода книги де Вогюэ «почти ничего больше не было переведено». В 1886 году во Франции завершился выпуск второго издания «Братьев Карамазовых». Многие из написанного Достоевским до этого романа уже появилось во французских переводах. Поэтому французский читатель имел возможность судить о творчестве русского писателя без оглядки на отзыв Вогюэ о Достоевском. Тем самым критика Жидом Вогюэ состоит в том, что, во-первых, Вогюэ указывает читателю лишь на три про-

изведения «Бедные люди», «Записки из мёртвого дома», «Преступление и наказание» как на самые значимые. А во-вторых, Вогюэ даёт «несмотря на его очевидные добрые намерения, огорчительно урезанный, неполный и даже искажённый образ этого исключительного гения» [10, с. 17].

Несмотря на то, что с момента выхода «Русского романа» прошло более 20 лет, Жид указывает, что восприятие Достоевского во Франции мало изменилось. Причина в том, что сам автор «Русского романа» принадлежал к определённым слоям публики и критики. Во Франции эпохи Жида продолжало существовать несколько читательских кругов, различно относившихся к творчеству Достоевского, и Жид кратко характеризует их: «Если и сейчас Достоевский собирает своих читателей медленно и среди очень ограниченной элиты, если он отталкивает не только широкую полуобразованную публику, публику полусерьёзную, полублагожелательную, которая не достигла ничего, кроме драм Ибсена, но которая читала “Анну Каренину” и даже “Войну и мир”, – или другую, менее любезную публику, которая преклоняется перед “Заратустрой”, – несерьёзно было бы возлагать ответственность за это на господина де Вогюэ. На это есть и очень сложные причины, которые нам поможет понять его (Достоевского – М. Д.) переписка» [10, с. 18].

Далее следует вывод Жида, характеризующий Достоевского как человека противоположностей: «консерватор, но не традиционалист; монархист, но демократ; христианин, но не римский католик; либерал, но не “прогрессист”. Достоевский остаётся тем, кем не знают, как пользоваться (Выделено авт. – М. Д.). Каждый раз в нём находится нечто, чем (все) недовольны» [10, с. 43]. Причину недовольства Достоевским на Западе он видит в сложности и многогранности идей и взглядов, которыми наполнены его произведения: «Чтобы идея удалась, нужно выставлять вперёд только её одну. <...> Чтобы преуспеть, нужно показывать только одну идею. Недостаточно найти точную формулу; нужно, чтобы не было ничего, кроме неё» [10, с. 43–44]. Другими словами, французские читатели не способны свободно ориентироваться в многообразии особенностей русской литературы, да и литературы вообще, без наличия ярлыков, которые французская критика даёт явлениям литературы. Например, публика охотно приняла бы ярлык религии страдания: «Достоевский мог бы иметь успех во Франции, если бы господин де Вогюэ изобрёл “религию страдания” и размножил бы в портативной формуле доктрину, которую мы находим в последних главах “Преступления и наказания”», – творчество Достоевского не укладывается в привычные формулы, – «Он переплещивается через все края» [10, с. 43–44]. И далее: «Я не пытаюсь сейчас усложнить его доктрину; я хотел лишь указать, что она включает в себе противоречия для западного сознания, мало привычного к желанию примирить противоположности» [10, с. 45].

Наконец Жид приводит высказывание Вогюэ, где тот формулирует духовное определение значимости Достоевского для русского человека: «Как говорили о бывших царях, что они “собирали” русскую землю, так этот властитель дум собрал русское сердце» [11, с. 47]. «И я счастлив, – заключает Жид, – после всех замечаний, которые я сделал о его работе, привести эти благородные слова» [10, с. 47]. Вогюэ, будучи секретарём французского посольства, прожил в России семь лет, изучал русский язык, литературу, историю. Атмосфера, в которой появились слова Вогюэ о писателе, «собравшем русское сердце», окажется понятней, если учесть, что их автор был женат на родственнице декабриста Михаила Анненкова, который сам был женат на француженке Полине Гёбль. Трудно удержаться от сочувственного замечания о том, что Полина Гёбль поехала за своим женихом в Си-

бирь и венчалась там с избранником «в церкви архангела Михаила города Читы» [6, с. 411]. По крещению Гёбль стала Прасковьей Анненковой. Прасковья Анненкова и Наталья Фонвизина были теми двумя жёнами декабристов, которые подарили Достоевскому Евангелие с заклеенными в его переплёт деньгами во время его этапа в Тобольске [3, с. 300]. Заканчивая полемику с Вогюэ, Жид выражает надежду на успех русского писателя не только у молодого поколения французов, нуждающихся в совершенно новой литературе, менее приверженной традициям, более живой и энергичной, но и в Европе в целом и «особенно в Германии, где издания его произведений множатся» [10, с. 47].

В этот период, сравнивая Достоевского с Бальзаком, в «Заметках» (1911) Жид указывает на принципиальное отличие их художественных методов: Достоевский «никогда не сводил мир к теории, <...> никогда не позволял сузить себя путём теоретизирования. Бальзак постоянно искал теорию страстей; ему очень повезло, что он её не нашёл» [9, с. 86]. В рецензии на премьеру спектакля «Братья Карамазовы» (1911) Жид, возвращаясь к полемике с Вогюэ, так характеризует Достоевского: «Он был одним из тех редких гениев, которые прогрессируют от произведения к произведению, пока смерть внезапно не прервёт это восхождение» [10, с. 52]. В статье «Десять французских романов, которые...» (1913) Жид утверждает, что Франция – не страна романистов: «Что могут иностранцы противопоставить Монтеню, Паскалю, Боссюэ, Расину? Но, с другой стороны: что такое Лесаж рядом с Филдингом или Сервантесом? Что такое аббат Прево по сравнению с Дефо? И даже: что такое Бальзак по сравнению с одной книгой Достоевского?» [9, с. 153].

Но в чём именно видит Жид превосходство Достоевского над Бальзаком, например? В «Записках к Анжель» (1924) Жид приводит причину предпочтений, говоря о наличии либо отсутствии в романе авторской оценки, авторской позиции: «Горе книгам, в которых есть выводы, именно они сначала более всего нравятся публике. Но через 20 лет выводы раздавят книгу» [9, с. 55]. Считая морализаторство типичным для французской литературной традиции, он хотел изменить это положение, считая образцовым творчество Достоевского, лишённое прямых выводов и авторского морализаторства. Размышляя о форме литературного произведения как отражении сложности души современного человека, а также о необходимости поиска этих форм в предисловии к «Цветам зла» Бодлера (1917) он пишет: «Форма – это причина существования художественного произведения, это то, что публика замечает только намного позже. Форма – это секрет произведения» [9, с. 165]. И далее там же: «Нам повторяют, что в человеке нет ничего нового. Возможно. Но ещё не открыто и то, что есть в человеке. <...> Я убеждён, что предстоит ещё много открытий, и что рамки старой психологии скоро покажутся искусственными и устаревшими <...>» [9, с. 168]. Он говорит о многоплановости человеческой природы, угаданной Бодлером вслед за Достоевским: в каждом человеке есть «другая сила, сила центростремительная и одновременно разрушающая, при помощи которой человек пытается разделиться, распылить себя <...>» [9, с. 168]. «Бодлер предчувствует этот факт столь же чётко, как и Достоевский, например. Но я не могу без дрожи читать <...> слова из его (Бодлера. – М.Д.) личного дневника: “В каждом человеке и всегда существуют два *одновременных* (весь интерес фразы заключается в этом слове) порыва: один – к Богу, другой – к Сатане”» [9, с. 169]. Здесь впервые в заметках Жида о Достоевском возникает тема многоголосия, предвосхитившая появление теории полифонического романа, созданной М.М. Бахтиным [2, с. 5–77]. Тема, не замеченная современным литерату-

роведением, более занятым философско-богословской проблематикой в творчестве Достоевского и работах Жид.

После первой Мировой войны новая волна интереса к Достоевскому у Жид связана с его размышлениями о путях развития будущей европейской культуры и литературы. Для Жид роль Франции в этом процессе является определяющей. В статье «Размышления о Германии» (1919) он пишет: «Но если мы входим в новую эру – кто сможет утверждать, что первая глава этой новой книги не будет французской, или сама эта книга не будет французской?» [9, с. 16]. В этой же статье он поднимает вопрос о национальном и индивидуальном в литературе: «Наиболее индивидуальное произведение это то, которое содержит более всего самоотречения. И наконец, что самое глубоко национальное, самое этнически самостоятельное, а также самое человеческое – это то, что может наиболее глубоко затронуть национальное начало. Что есть более испанское, нежели Сервантес, более итальянское, нежели Данте... более русское, нежели Достоевский, и что есть более человеческое, нежели они?» [9, с. 18]. В том же 1919 году в «Листках» он пытается разгадать природу «моральной реформы». Наряду с религиозными реформаторами Жид называет двух писателей, Руссо во Франции и Достоевского в России: «Разнообразие позиций, навязывание различных моральных ценностей ведут к тому, что реформатор начинает работу по приведению их в соответствие друг с другом, стремясь к новому равновесию» [9, с. 91–92]. Здесь он снова, возможно, сам не отдавая себе в этом ясного отчёта, касается проблемы морального многоголосья, проблемы полифонии.

В 1921 году, к столетию со дня рождения Достоевского, Жид читает лекцию в «Старой Голубятне», театре на Монмартре, ставшем своего рода штабом писателей-модернистов и центром распространения знаний о творчестве Достоевского. В этой лекции он говорит о той новизне, которую Достоевский привносит в поэтику жанра романа: «Очнувшись от его книг, даже если наш разум и отказывается их полностью осознать, – мы ощущаем, что он только что затронул какую-то таинственную точку, которая принадлежит нашей подлинной жизни. И я думаю, что мы найдём здесь причину отказа некоторых умов от гения Достоевского во имя западной культуры. Я часто замечаю, что во всей нашей западной литературе, и здесь я говорю не только о французской литературе, – роман, за очень редким исключением, занимается лишь отношениями между людьми, отношениями чувственными или интеллектуальными, семейными, социальными, классовыми, – но никогда, почти никогда, отношениями индивида с самим собой или с Богом, которые у Достоевского стоят перед всеми другими» [10, с. 60]. Жид затрагивает в этой лекции такую особенность произведений Достоевского, как внутренний диалог, свойственный поэтике полифонического романа: «Внутренняя жизнь здесь важнее, нежели отношения людей между собой. Не думаете ли вы, что в этом и заключается секрет Достоевского, делающий его одновременно столь великим и важным для одних и столь невыносимым для многих других» [10, с. 61].

К столетию со дня рождения Достоевского Жид приурочил и прочитанный им цикл из 6 лекций также в зале «Старой Голубятни». Он вкратце пересказывает биографию писателя, отсылая к «Запискам из мёртвого дома», а именно к словам главного героя о жизненной цели. «Без какой-нибудь цели и стремления к ней не живёт ни один жив человек. Потеряв цель и надежду, человек с тоски обращается нередко в чудовище» [1, с. 197].

Среди событий жизни Достоевского Жид особо останавливается на периоде его пребывания в каторге, поскольку именно в тот период развиваются религи-

озно-философские взгляды Достоевского под влиянием чтения Евангелия: «Это умаление, отказ от себя, допускает сосуществование в душе Достоевского совершенно противоположных чувств, откуда возникает невероятное богатство противоречий, которые борются в нём» [10, с. 88–89]. Одним из свойств русской души Жид считает «быстрый переход от одного чувства к чувству совершенно противоположному» [10, с. 101]. У многих героев Достоевского, говорит Жид, можно наблюдать как бы два противоположных характера, и «как мы видим, обоим случается проявляться одновременно» [10, с. 123]. Обращает на себя внимание выражение Жида «невероятное богатство противоречий», указывающее на ту психологическую основу, из которой возникает полифония.

Рассуждая о сложности характеров героев Достоевского, Жид подступает не только к основам теории полифонического романа Бахтина, он как бы прозревает теорию тройственной полифонии В. В. Иванова, завершившую теорию Бахтина в начале XXI века: «Кажется, Достоевский устанавливает или просто признаёт существование в человеческой душе различных слоёв – нечто вроде геологических стратов. Я различаю в персонажах его романов три слоя, три области: интеллектуальную, чуждую душе, откуда, тем не менее, исходят наихудшие соблазны. Это здесь, согласно Достоевскому, таится демонический, разрушительный элемент. <...> второй слой – область страстей <...>. Есть более глубоко лежащая область, которую эти страсти не затрагивают... Это та область, в которой живёт князь Мышкин» [10, с. 131–132]. Эта троичная структура души, описанная Жидом, соответствует структуре трёх голосов-позиций теории Иванова: «Итак, в творчестве Достоевского соответственно количеству позиций мы имеем взаимодействие либо двух, либо трёх сил. За каждой из них стоит Бог, человек, или враг человека и “оппонент” Бога, сеющий в человеке сомнение» [5, с. 174]. На этом уровне постижения поэтики Достоевского французский литературный критик становится литературоведом, способным сказать новое слово в жанровой теории романа. О трёх областях души Жид продолжает размышлять в пятой лекции. Он предполагает наличие связей между стратами души, наличие драматических отношений: «Эти три слоя совершенно не разделены и даже не имеют чётких границ. Они постоянно соприкасаются» [10, с. 144]. На уровне области страстей «разыгрываются драмы», которые не могут «всколыхнуть самые глубины души» [10, с. 144]. «Тем не менее, мы увидим в романах Достоевского, что интеллектуальный элемент иногда входит в соприкосновение с глубинным слоем. Этот глубинный слой отнюдь не ад для души. Напротив, это небеса. <...> Ад, по Достоевскому, это напротив, верхний слой, область интеллекта. Через все книги проходит <...> обесценивание интеллекта... почти бессознательное» [10, с. 145–146]. Альтернативой интеллекту, согласно Жиду, у Достоевского является то состояние благодати, в котором могут находиться его герои не в будущей загробной жизни, а в момент повествования о них. Например, Алёша Карамазов и князь Мышкин. «Христианская доктрина, каковая содержится в Евангелии, известна нам, французам, только через католическую церковь... Но Достоевский испытывает ужас перед церквями, и особенно перед католической Церковью. Он считает, что получает поучения Христа прямо через Евангелие, чего совершенно не принимают католики» [10, с. 150–151]. Под католиками, не принимающими прямого поучения Христа через Евангелие, Жид подразумевает поэта и философа круга NRF Поля Клоделя, с которым состоял в полемике по поводу понимания образа Христа у Достоевского в «поэмке» Ивана Карамазова о Великом Инквизиторе. Клодель говорит следующее: «Без ясной догмы и без авторитарности для её поддержания мы пришли во Франции к глупой

религиозности Ламартина или же в России к грубому социализму Горького» [8, с. 86].

Полемику Жида и Клоделя комментирует французский исследователь Софи Олливье: «Клоделю не понравился образ Христа, представленный Достоевским, потому что он видел в нём “ложного Христа”, пришедшего противостоять Церкви. Клодель предпочёл Великого Инквизитора, который казался ему существом искренне верующим <...> и олицетворявшим Церковь, властную хранительницу догмы» [7, с. 219]. Олливье приходит к выводу, что Жид не смог убедить Клоделя, поскольку не являлся католиком: «Словом, возникает противопоставление между протестантским христианством Жида, католическим Клоделя и православным у Достоевского» [7, с. 221].

Если оставить в стороне спорное причисление взглядов Жида к протестантским и сложную систему взглядов Достоевского, которая, здесь прав Жид шире церковного православия, то в чистом остатке мы имеем намного более точное понимание Жидом образа Христа и образа Великого Инквизитора у Достоевского, нежели догматически католическое понимание Клоделя. Однако поскольку на время протекания полемики оба автора, Жид и Клодель, не имели в своём распоряжении ещё не созданную Бахтиным теорию полифонического романа Достоевского, то договориться им было трудно не только по идеологической причине, но и по причине различных уровней понимания поэтики романа Достоевского. А само предощущение Жидом полифонической структуры души героя, а, следовательно, и полифонической структуры романа Достоевского восходит к его глубокому прочтению Евангелий, к «триалогу» которых восходит полифония Достоевского: «Нет, Достоевский ведёт нас не к анархии, а всего лишь к Евангелию» [10, с. 150], – резюмирует Жид, подводя черту под так и не завершённой полемикой, оставляя Клоделю возможность продолжать оставаться на своих идеологических и религиозных позициях.

Чрезвычайно важным представляется тот факт, что Андре Жид почувствовал полифоническую природу романа Достоевского. Он попытался воспроизвести в своих романах те поэтические принципы, которые интуитивно воспринял от Достоевского, правда, воспроизвёл не слишком успешно. Художественное восприятие принципов полифонического романа Достоевского, на наш взгляд, более удачно воплотил Ален-Фурнье в романе «Большой Мольн». Темы глубокого проникновения в поэтику Достоевского, как и попытки творческого воплощения её принципов в романах Андре Жида и Алена-Фурнье требуют специальных исследований, над которыми мы продолжаем работу в настоящее время.

Список литературы

1. Достоевский Ф. М. Записки из мёртвого дома // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 4. 1972. 326 с.
2. Бахтин М. М. Полифонический роман Достоевского и его освещение в критической литературе // Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Худож. литература, 1972. С. 5–77.
3. Гессен А. И. Во глубине сибирских руд... Декабристы на каторге и в ссылке. М.: Детская литература, 1982. 352 с.
4. Дубинская М. В. Франкоязычные речевые характеристики героя-западника в романе Ф. М. Достоевского «Бесы» // Иностранные языки: лингвистический и методический аспекты: сб. науч. тр. Вып. 23. Тверь: ТвГУ, 2013. С. 173–180.
5. Иванов В. В. Сакральный Достоевский. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 520 с.

6. Лорер Н. И. Записки моего времени. Воспоминание о прошлом // Мемуары декабристов. М.: Правда, 1988. С. 313–546.
7. Олливе С. Polemica между Полем Клоделем и Андре Жидом по поводу образа Иисуса Христа в творчестве Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Вып. 3. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 210–221.
8. Claudel P. Correspondance avec André Gide. Paris: Gaillimard, 1959. P. 86. Цит. по: Олливе С. Polemica между Полем Клоделем и Андре Жидом по поводу образа Иисуса Христа в творчестве Достоевского // Проблемы исторической поэтики. Вып. 3. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1994. С. 210–221.
9. Gide A. Incidences. Paris, édition de la Nouvelle Revue Française. 1924. 214 p.
10. 10. Gide A. Dostoïevski par André Gide. Articles et causeries. Paris, Gaillimard. 1981. 198 p.
11. 11. Vogué E.-M. Le Roman Russe. Paris, 1886. Цит. по: Gide A. Dostoïevski d'après sa correspondance // Dostoïevski par André Gide. Articles et causeries. Paris, Gaillimard. 1981. P. 13–49.

**THE WRITER WHO «GATHERED THE RUSSIAN HEART»:
THE FRENCH CRITICS OF THE TURN XIX–XX CENTURIES
ABOUT F. DOSTOIEVSKY**

M. V. Doubinskaya

Petrozavodsk state university, Foreign languages institute
The departement of Germanic and French languages

This article is devoted to the problem of the perception of Dostoevsky's work in France. This problem is reflected in the works on the modernists, united by the journal NRF. For the first time the author of the article considers some thesis in the works of NRF's leader which anticipates in general the theory of the polyphonical novel, including the theory of the threialogue.

Key words: *Dostoevsky in the French critic, Dostoevsky and modernist writers, the theory of the polyphonical novel, the polyphonical threialogue, three stratum of the spirit*

Об авторе:

ДУБИНСКАЯ Маргарита Викторовна – старший преподаватель кафедры немецкого и французского языков Института иностранных языков Петрозаводского государственного университета (185910, Россия, Республика Карелия, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33), e-mail: geolea@bk.ru